

Весьма интересен в этой связи пример белорусского УПК. Согласно ч. 2 ст. 108 УПК Республики Беларусь задержание может производиться до возбуждения уголовного дела в случае, если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения. При этом вопрос о возбуждении уголовного дела должен быть решен органом уголовного преследования в течение 12 часов с момента фактического задержания. В случае отказа в возбуждении уголовного дела или непринятия решения о возбуждении уголовного дела в указанный срок задержанный должен быть освобожден. Согласно ст. 173 УПК Республики Беларусь до возбуждения уголовного дела может быть произведен также и личный обыск при задержании. Авторами одного из проектов УПК РФ также предлагалось закрепить в законе «задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления», производство которого в исключительных случаях допускалось до возбуждения уголовного дела.

Как мы видим, законодательное закрепление процессуальной формы и содержания института задержания лица по подозрению в совершении преступления предполагает возможность применения дифференцированного подхода при их реализации на этапе возбуждения уголовного дела. По общему правилу для возбуждения уголовного дела нужен меньший объем данных, указывающих на признаки преступления, чем для задержания лиц по подозрению в совершении преступления. Однако задержание с поличным – единственный случай, когда основание для задержания совпадает с основанием для возбуждения уголовного дела. В этой связи целесообразно наделить органы расследования правом производить уголовно-процессуальное задержание с составлением протокола задержания до возбуждения уголовного дела в случаях, когда основанием задержания стало непосредственное обнаружение лица при совершении преступления или непосредственно после него. Постановление о возбуждении уголовного дела в таком случае должно быть вынесено при первой реальной возможности, но не более 8 часов с момента доставления, что соответствует продолжительности одного рабочего дня. Применительно к другим основаниям задержания, перечисленным в ст. 91 УПК РФ, решение проблемы защиты прав личности фактически задержанного лица видится в процессуальном закреплении правила о незамедлительном доставлении задержанного лица в орган дознания или к следователю для составления протокола задержания и постановки на учет задержанного; об обязательной фиксации момента доставления лица в орган дознания или к следователю посредством видеосъемки в режиме реального времени и составления протокола доставления, в котором должны быть указаны дата, время, место и обстоятельства фактического задержания лица, данные, удостоверяющие личность задержанного, время и место, способ доставления лица в орган дознания или к следователю, подпись задержанного лица.

Стоит отметить, что долгое время не подвергавшийся никаким преобразованиям институт задержания был недавно изменен Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ и дополнен указанием на обязательность участия защитника при составлении протокола задержания в производстве по уголовному делу, если он участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, правом подозреваемого на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. Несмотря на то что эти положения в литературе оцениваются критически с точки зрения законодательной техники и реализации на практике, считаем все же, что данные новеллы являются первыми шагами российского законодателя в последующей реформации института задержания, необходимость в которой продиктована рассмотренными проблемами соблюдения прав личности фактически задержанного лица на стадии возбуждения уголовного дела.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова

ПОЛУЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

С момента принятия УПК РФ и каждой последующей попыткой преобразовать институт доследственной проверки вновь и вновь поднимался вопрос о необходимости закрепления возможности получения объяснений до возбуждения уголовного дела. Ведь в ряде случаев без получения объяснений не представляется возможным решить вопрос о наличии или отсутствии в проверяемом событии признаков преступления, объяснения получают сразу же после совершения преступления или же в течение непродолжительного срока с момента его совершения. Объяснения обладают высокой вероятностью достоверности, поскольку лицо, их дающее, пока не подвержено влиянию заинтересованных в исходе проверки лиц, а детали происшедшего еще свежи в его памяти.

До принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ возможности использования объяснений в уголовно-процессуальном доказывании были весьма ограниченными, и длительное время практические работники, можно сказать, вхолостую отбирали объяснения, зная, что в последующем весь добытый материал необходимо будет вводить в уголовный процесс заново процессуальными средствами путем проведения дублирующих в содержательном плане допросов, повторных вызовов свидетелей, что не удовлетворяло потребностей современной правоприменительной практики.

В этом смысле получение объяснений в ходе доследственной проверки совершенно обоснованно закреплено в УПК РФ. В соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Определением Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О вопрос о доказательственном значении объяснений, добытых в ходе доследственной проверки, был решен на самом высоком уровне: объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, отнесены к иным документам.

Сегодня УПК РФ предъявляет ряд требований к процедуре получения объяснений (ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Так, лицу, от которого истребуется объяснение, должно быть разъяснено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК. В случае если объяснение истребуется у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, ему должно быть разъяснено право иметь защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а при необходимости обеспечено участие защитника. Адвокат, явившийся вместе с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в любом случае должен быть допущен к участию в получении объяснения у данного лица. При необходимости безопасность

опрашиваемого лица обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Представляется, объяснение, полученное с соблюдением этих правил, может быть признано допустимым доказательством и оглашено в суде.

Вместе с тем регламентацию нового проверочного действия нельзя считать достаточной, что также можно сказать и в отношении законодательного регулирования рассматриваемого проверочного действия по УПК Республики Беларусь: отсутствует четкий порядок получения объяснений (порядок вызова, процессуального закрепления результатов, субъектный состав лиц, которые могут быть привлечены для дачи объяснений, последствия нарушения данных законодательных установлений). Стоит учитывать, что к уклоняющемуся от явки лицу не могут применяться принудительные меры, направленные на доставление против воли последнего к компетентному лицу правоохранительного органа для дачи объяснений. В подобных случаях лицо, осуществляющее проверку, должно ограничиться разъяснениями необходимости получения объяснений, значения их для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела, обращением к гражданскому долгу рассказать все ему известное. Так, в рамках проверки СУ СК России по Удмуртской республике сообщения об уклонении от уплаты налогов руководством предприятия заместителем руководителя следственного отдела вручена главному бухгалтеру организации М. повестка о явке для опроса по материалу проверки. Неявка М. для опроса послужила основанием для возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении по ст. 17.7. КоАП РФ (умышленное невыполнение законных требований следователя). Постановлением мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского района г. Ижевска от 11 июля 2011 г. М. признан виновным в совершении данного административного правонарушения, решением судьи Октябрьского районного суда г. Ижевска от 11 августа 2011 г. постановление по делу об административном правонарушении оставлено без изменения. Однако Верховный Суд Удмуртской республики постановлением от 13 декабря 2011 г. по делу № 4-а-519 отменил вышеуказанные акты, мотивировав свое решение тем, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает право следователя на стадии проверки сообщения о преступлении требовать явки лица для опроса и соответственно не возлагает на лицо обязанность явиться по вызову следователя на данной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовно-процессуальное принуждение минимизировано.

Еще одним аспектом рассматриваемого вопроса является соотношение процедуры получения объяснений до возбуждения уголовного дела с процедурой получения показаний, данных в ходе допроса после такого возбуждения. Полагаем, объяснения должны оформляться по правилам, предъявляемым к протоколу допроса. Отличие объяснений от показаний состоит в том, что очевидец (лицо, у которого берется объяснение) не обязан отвечать на поставленные вопросы; опрашивается по месту его нахождения, не подлежит вызову в орган расследования по повестке; не может быть подвергнут приводу; не несет ответственности за отказ от дачи объяснений или сообщение заведомо ложных сведений.

Дискуссионным представляется предложение о необходимости введения обеспечительной меры по принудительному доставлению (приводу) лиц, располагающих сведениями о преступлении, для истребования объяснений в рамках проводимой проверки поступившей информации о преступлении. На этапе возбуждения уголовного дела – и это является сущностным признаком первоначальной стадии процесса – уголовно-процессуальное принуждение сведено к минимуму, деятельность на данном этапе может сопровождаться принудительными средствами в той части, в которой это необходимо для установления искомых достаточных данных, указывающих на признаки преступления: об этом свидетельствует возможность безотлагательного проведения лишь ограниченного круга следственных действий, недопустимость производства допроса, добровольный характер истребования предметов и документов, добровольный характер исполнения запросов следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания в ходе проведения такого процессуального действия, как истребование предметов и документов (взамен выемки) и вместе с тем исключительные возможности их принудительного изъятия. По замыслу законодателя, предусмотренные им меры уголовно-процессуального принуждения могут быть применены в отношении участников уголовного судопроизводства лишь после возбуждения уголовного дела либо одновременно с ним. Простой вызов в правоохранительные органы в любой форме (просьба, приглашение и т. п.), тем более с вручением официальной повестки, уже представляет собой специфическую меру принуждения и сопряжен с переживаниями, тревогами и лица, от которого необходимо истребовать объяснения. Очевидно, привод опрашиваемого лица предполагает еще более существенное ограничение конституционных прав опрашиваемого лица, противоречит особенностям и целям познавательной деятельности на данном этапе.

Введение нового проверочного действия позволяет говорить о возможном закреплении процессуального статуса опрашиваемого лица (очевидца), под которым понимается лицо, обладающее информацией об обстоятельствах, подлежащих установлению по проверяемому сообщению о преступлении, и от которого отбираются в связи с этим объяснения. Возникновение этого самостоятельного участника имеет под собой необходимые фактические и процессуальные основания. Фактически такое лицо не обеспечено правом возмещения понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, правом заявлять отводы и ходатайства должностным лицам.

УДК 343.263.2

Т.А. Савчук

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ О ДОМАШНЕМ АРЕСТЕ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь предусмотрел в качестве меры пресечения домашний арест, определив его субъекты и порядок избрания, перечень сопровождающих мер, обеспечивающих изоляцию и надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого в условиях домашнего ареста (ст. 125 УПК), возложив обязанность исполнения этой меры пресечения на органы дознания (ч. 6 ст. 119 УПК). Такой подход законодателя разделяют не все отечественные ученые. Например, Д.В. Семенов считает, что реализация домашнего ареста носит ярко выраженный административно-правовой характер и поэтому является сферой деятельности органов исполнительной власти, а И.М. Князев полагает, что исполнение данной меры пресечения должно входить в компетенцию органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Примечательно, что уголовно-процессуальные кодексы государств – участников СНГ демонстрируют различные подходы к субъектам исполнения домашнего ареста: в России эта функция возложена на органы исполнения уголовных наказаний, в Казахстане – на орган, ведущий уголовный процесс, в Украине – на органы внутренних дел. Одни ученые предлагают возложить данную функцию на службу судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации (Д.А. Долгушин, В.Ю. Мельников,